

Долгосрочные последствия антикризисной политики¹

Диспут-клуб «Узлы экономической политики» АНЦЭА²

Докладчики:

Борис Викторович Кузнецов (главный научный сотрудник Межведомственного аналитического центра)

Сергей Владимирович Алексахенко (директор по макроэкономическим исследованиям Государственного университета – Высшей школы экономики)

Основные вопросы диспута:

1. Насколько адекватны антикризисные меры правительства реальным проблемам российской экономики?
2. В чем основные недостатки антикризисной программы правительства и есть ли у нее достоинства?
3. Каковы будут долгосрочные последствия антикризисных мер правительства для российской экономики?
4. Какие уроки можно извлечь из опыта разработки и реализации российской антикризисной политики?

¹ Данный материал представляет собой отредактированную стенограмму диспута, состоявшегося 21 мая 2009 года на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, и включает выступления докладчиков, обмен вопросов и обсуждение аудитории.

² **АССОЦИАЦИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ЦЕНТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (АНЦЭА)** является российской некоммерческой организацией, созданной в 2002 году. На сегодняшний день АНЦЭА представлена 54 аналитическими институтами из России и стран ближнего зарубежья. Президентом ассоциации является Александр Аузан. Основной целью ассоциации является содействие повышению качества экономической политики в России для достижения устойчивого экономического развития страны и роста общественного благосостояния посредством становления института независимых центров экономического анализа и развития профессионального сообщества.

Борис Кузнецов: Добрый день! Несколько вступительных слов. Во-первых, поскольку я готовился дискутировать с Дмитрием Рэмовичем Белоусовым, которому свойственно защищать позиции правительства, то считал, что нахожусь в легком положении. То есть я думал, что буду власти слегка поругивать, а он – защищать – и получится диспут. Замена оппонента, конечно, создает определенные проблемы, но, поскольку любой экономист – шизофреники у него два мнения есть даже внутри себя, то я немножко сместил свои позиции в сторону нейтральных, с тем чтобы можно было нормально дискутировать. Во-вторых. Я сразу оговорюсь, что, поскольку жанр данного мероприятия отличается от жанров скучных научных семинаров или конференций, я сознательно буду опускать слова типа «преимущественно», «по большей части», а буду формулировать все утверждения и тезисы четко и безапелляционно, чтобы вызвать раздражение зала и стимулировать дискуссию.

За короткое время я не смогу предъявить научных аргументов своих тезисов. На самом деле у меня часто аргументов и нет, многие тезисы будут бездоказательные, но будем считать, что это только потому, что времени мало.

Две оговорки. Оговорка первая: когда я буду говорить об антикризисных мерах, скажу преимущественно о том, о чем имею представление: о мерах, направленных на так называемый реальный сектор, почти не касаясь мер, направленных на банки, денежно-кредитную сферу. Я рассчитываю, что здесь меня дополнит Сергей Владимирович.

Организаторы, когда затевали этот диспут, рассчитывали, что в основу моего выступления ляжет совместный доклад Высшей школы экономики и Межведомственного центра по оценке антикризисных мер правительства. Они ошиблись, потому что этот доклад уже тиражирован и пропиарен сверх необходимого: он уже издавался в «Вопросах экономики», выжимки были в «Эксперте», он издан отдельной брошюрой, поэтому я не буду концентрироваться на этом докладе (кому интересно, тот прочтет). Для меня это мини-исследование – всего лишь некий повод поговорить о том, чего в докладе почти нет. На этом вводная часть закончена, и можно приступать к существу.

По просьбе организаторов я сформулирую тезисы, которые намерен защищать, чтобы оппонент мог эти тезисы оспаривать.

Тезис первый. *Экономический кризис в России является не следствием мирового финансового кризиса, а следствием фундаментальных проблем экономики и общества, «тупикового» характера модели развития.* Эти проблемы должны были вылиться в кризис рано или поздно. Вылились именно сейчас, в силу стечения некоторых внешних обстоятельств, то есть кризис мировой стал своего рода «спусковым крючком». С моей точки зрения, мировой финансовый кризис в кризисе российском играет примерно такую же роль, как азиатский кризис 1997 года в кризисе российском 1998 года. Безусловно, определенную роль играет. Но фундаментальные причины совершенно другие. События в мире определяют время наступления нашего кризиса, но не сам факт его наступления.

Тезис второй. *Я считаю, что кризис в России выгоден и в прямом, и в переносном смысле для многих влиятельных групп в России.* Именно поэтому он вряд ли быстро

кончится. Кризис выгоден менеджерам как государственных, так и частных предприятий, выгоден министерствам. Он списывает все прошлые ошибки. Он вообще подводит черту под той политикой, которая велась. Все было хорошо, все было правильно, но случился кризис...

Третий тезис. Антикризисные меры правительства не вредят экономике, они вообще не оказывают на нее никакого влияния. По крайней мере пока. Это происходит потому, что *антикризисная политика направлена преимущественно на лечение симптомов, а не самой болезни*. Можно сказать, что это хороший комплекс мер: большим достижением является уже то, что наше государство не делает ничего особенно плохого. С этой точки зрения анализ экономических последствий этих мер не очень интересен. С другой стороны, анализ антикризисной политики позволяет выявить реальные приоритеты власти, основные проблемы существующей системы управления. Личико сразу открывается, и все инстинкты, подавленные где-то в глубине, вдруг вылезают наружу. Был нормальный человек, и вдруг – маньяк.

И последний тезис, непосредственно имеющий отношение к сегодняшней теме. С моей точки зрения, *кризис и реакция властей на него четко выявляют основную дилемму долгосрочного развития: либо власть адаптирует экономику под свои возможности управления, либо сама адаптируется под ее нужды*. На данный момент антикризисные меры явно выявляют неуправляемость российской экономики теми властными структурами, теми институтами, которые сейчас в России построены. Пока экономика росла, неуправляемость была не так заметна. Сейчас власть неожиданно почувствовала, что она, с одной стороны, не понимает и не знает, что происходит (до этого тоже не знала, но было не важно), с другой – ничем не управляет. Команды отдаются, но не выполняются. До этого игнорирование команд не было столь очевидно. А из этого вытекает любопытный, почти философский вопрос: а что будет после кризиса? Невозможно дальше жить в режиме, когда существующая власть ничем не управляет, но очень хочет, а экономика, в свою очередь, даже желает, чтобы ею управляли, но уж совсем не так, как это делает власть. Таким образом, либо власть должна подстроиться под нужды рыночной экономики, либо рыночная экономика – подстроится под нужды власти, скорее всего перестав быть рыночной. Каковы шансы в выборе того или иного варианта? Я не знаю. Я бы сказал, 4:1 в пользу ликвидации рыночной экономики, но, может быть, это такие же шансы, как у Ямайки в матче с Аргентиной.

Коротко о факторах, определявших докризисную модель развития и вместе с ней неизбежность кризиса. Все развитие после кризиса 1998 года – это развитие, ориентированное на внутренний спрос. Структура экспорта не поменялась, на новые рынки не вышли. Все было основано на том, что росли доходы, росли зарплаты, росло потребление, все это росло опережающими темпами (можно спорить: быстрее, чем производительность труда, медленнее, чем производительность труда, – не суть важно, но росло очень быстро). На этих ожиданиях и на этом росте и основывалась, собственно, модель развития. Источником роста, в том числе и для инвестиций, но не только, служили дешевые, но короткие деньги. Да, они в значительной степени приходили из-за рубежа, но не суть важно, они и здесь были такие же короткие и достаточно дешевые. Локомотивом роста выступал крупный и сверхкрупный бизнес. Не аргументирую, но посмотрите на динамику развития малого бизнеса, малого предпринимательства за последние 10 лет, там все достаточно очевидно. Инструментом развития этого крупного бизнеса выступали в основном слияния и

поглощения, крайне мало строилось что-то новое. Средний и малый бизнес стагнировал и выживал в основном за счет использования нерыночных конкурентных преимуществ, таких как географическое положение, специфические продукты, которые больше никто не производит, и т.д. Об этом тоже много говорилось.

Антикризисные меры правительства были эшелонированы. Первые меры – это в основном меры по поддержке банковской системы в ноябре 2008 года. С моей точки зрения, объем, масштабы, поспешность этих мер в значительной степени определялись «синдромом-1998», порожденным кризисом 1998 года. Все так боялись краха финансовой системы, что была чрезмерная реакция, которая имела свои негативные последствия, на которых я не буду останавливаться. В декабре 2008 года уже проявились основные черты будущего набора антикризисных мер правительства. А именно упор на селективность. Еще не знаем, как будем помогать, но главное – определить, кому. Определим, кому – будем помогать. На самом деле, одновременно шел безумный процесс инициации разных мер. Шло соревнование между ведомствами, кто больше мер предложит. Никого не заботило, хорошие это меры или плохие, главное, чтобы их было много. Никого не заботило, могут быть они реализованы, когда и в какие сроки, это было неважно. Отчетность шла по количеству страниц с перечнем предложений, а не по оценкам эффективности. Слава богу, благодаря неэффективности нашего государства в области практической реализации принятых решений, большая часть этих мер не была реализована и, вероятно, никогда не будет. И наконец, к марту 2009 года все это было преобразовано, скомпоновано и превратилось в проект программы антикризисных мер, где появилась некая текстовая преамбула с правильными словами. Но если кто смотрел перечень этих мер, то это тот же самый набор спонтанных мер, не всегда логично структурированный по приоритетам государственной политики.

В феврале-марте этого года экспертами Высшей школы экономики, Межведомственного центра, некоторых других организаций был проведен экспресс-анализ по некоторому стандартному шаблону тех мер правительства, которые имели отношение к реальному сектору экономики. Это не был научный анализ в прямом смысле слова, потому что, когда одну меру, как правило, оценивает один эксперт, вы не можете избежать субъективных оценок, вы не можете считать эту оценку объективной, но тем не менее нам хотелось провести именно сквозной анализ, чтобы посмотреть, как выглядит не каждая конкретная мера, а как выглядит все поле мер и куда это поле мер нас и экономику толкает.

Достаточно четко выявились приоритеты системы антикризисных мер. Прежде всего, это поддержка финансовой системы для облегчения доступа предприятий к ресурсам. Насколько облегчило или не облегчило – вопрос отдельный, но мы сейчас анализируем намерения правительства, а не результаты. Как говорил не помню уже кто: «Неважно, правду говорит человек о себе или врет, интересно, что он о себе рассказывает». Правительство о себе рассказывает следующее: доступ к финансовым ресурсам – это приоритет. На втором месте (по объему ресурсов), как ни странно, снижение налоговой и некоторых других видов нагрузки в самых разных формах. Большая часть системных мер, направленных на всю экономику, укладывалась в эту категорию. Основной новацией и одной из самых ранних было снижение налога на прибыль. Немножко лукавая мера, потому что всем было понятно, что прибыли не будет, но формально первоначально объемы ресурсов, которые получит

бизнес от этой новации, оценивались очень высоко. Потом эти оценки немножко снизились, но все равно остаются достаточно высокими. На третьем месте по величине ресурсов идут меры социальной направленности, но мы брали только те из них, которые связаны с рынком труда. То есть это не инвалиды, не пенсионеры, а безработица, то, что связано с рабочей силой, условно говоря, то, что имеет отношение к реальному сектору, потому что создание рабочих мест и совершенствование рынка труда – это хорошо и для предприятий тоже. Гораздо меньше, как ни странно, хотя они и сильно рекламировались, было мер, направленных непосредственно на повышение внутреннего спроса, типа дополнительных закупок (на 20 миллиардов) автомобилей для нужд государственной власти, льготные автокредиты населению и т.д. Таких мер было довольно много, хотя по ресурсам они несопоставимы с теми, которые указаны выше. И совсем чуть-чуть ресурсов шло на малый и средний бизнес.

Итак, самые грубые оценки: что показал этот анализ? Во-первых, концентрацию всех мер на крупном и сверхкрупном бизнесе. Много аргументов: он крупный – поэтому важный, он сам приходит ножками в кабинет и рассказывает, что ему надо. А с остальными что делать – непонятно. Кроме того, поскольку уже выявился акцент на селективную политику, то есть на отбор, на «именные» меры (с именем компании), то понятно, что со средним бизнесом, тем более с малым, так адресно работать невозможно, а с крупным – можно. Совсем чуть-чуть мер, направленных на малый бизнес, и полностью «провалился» средний бизнес. Часть мер, нейтральных по отношению к размеру бизнеса, конечно, на него также влияет, но в общем и целом средний бизнес оказался предоставлен сам себе, без «государева ока», но, может быть, и слава богу.

Если говорить об отраслях, то в основном все меры были направлены на наиболее уязвимые сектора, такие как автомобильная промышленность, а более конкретно – АвтоВАЗ, ГАЗ и другие российские производители. Также на несчастный, пострадавший от кризиса нефтегазовый сектор, у которого возникли большие проблемы из-за падения цен, и т.д. На этих не самых конкурентоспособных отраслях в программе мер сделан основной акцент, если мерить в ресурсах, да и по количеству мер тоже. Справедливо это или нет, я не оцениваю. Может, это и справедливо. Мол, те, которые посильнее, что им кризис, они и так переживут. А надо помогать тем, которые и до этого почти умирали, а тут совсем кризис их добьет, поэтому надо им помогать. Это не оценка, а просто констатация факта. Огромное количество мер селективной политики не сопровождалось определением мотивов или критериев. Был, например, утвержден перечень стратегических предприятий, но никто толком не знает, по какому принципу кто-то мог туда попасть или, наоборот, оттуда выбыть. Огромное число мер не имело сколько-нибудь четких критериев и процедур: вы (предприятие) просто приходите, а там какие-то люди сидят, и они выбирают, помогать вам или нет. Все. Итак, в промышленной политике, направленной на оздоровление экономики, на преодоление последствий кризиса, больше 50 % мер – сугубо селективные.

Также имеются сырые, предварительные результаты опроса менеджеров крупных и средних промышленных предприятий обрабатывающей промышленности – я просто посмотрел частоту ответов предприятий на вопрос «Что вы собираетесь делать, и как вы собираетесь адаптироваться к кризису?». Одной фразой: единственный способ адаптации, который видит предприятие, это экономия на работниках, потому что на первых трех местах

с большим отрывом – сокращение оплаты труда, перевод на неполную занятость либо сокращение занятости.

А вот как они ответили на вопрос «Чего бы вы хотели от государства?». С огромным отрывом – «снизьте налоги», на втором месте – «заморозьте тарифы естественных монополий», дальше, с отрывом, – «не трогайте курс рубля и поддержите банковскую систему» (они имели в виду – поддержите банковскую систему, чтобы мы могли получать кредиты, а не потому, что они любят банки).

Завершая, я хотел бы сказать следующее: государство принимало такие антикризисные меры не от хорошей жизни. Просто в той системе управления экономикой, которую мы имеем, нет никакой возможности принимать другие меры. Когда шел рост, меры или изменения принимались иногда довольно глупые, но, поскольку они сильно не вредили и рост продолжался, была возможность их корректировки в рабочем порядке («посмотрим, как работает, если бизнес сильно завопил, то через полгода поменяем, а если не завопил, то все нормально»). В условиях кризиса эта система принятия решений оказалась неработоспособной. Как выяснилось, эффективных институтов диалога с бизнесом создано не было. Несмотря на все объявленные координационные советы, ассоциации малого, среднего бизнеса, выяснилось, что нормального диалога и нормальной обратной связи нет. Больше того, выяснилось, что нет механизма обратной связи и с регионами. Но об этом лучше может рассказать Наталья Васильевна Зубаревич.

Центр не понимает, что происходит в регионах. При советской власти если первый секретарь обкома начинал морочить голову ЦК, то можно было позвонить в местное КГБ и спросить, что там на самом деле происходит. Сейчас даже этого нельзя, потому что местное ФСБ такого же мнения, что и губернатор, и будет говорить то же самое. Власть, я думаю, реально осознает: она ничем не управляет или не может управлять так, как ей хотелось бы. А дальше мы приходим к простому кибернетическому закону (закону Бира, если я правильно помню) относительно разнообразия регулятора и регулируемой системы. Он не имеет отношения к экономике, он универсальный, для любых систем. Для того чтобы совершенно управлять, разнообразие регулятора, который управляет системой, должно быть не меньше, чем разнообразие самой системы. Отсюда, правда, вытекает, что сам регулятор становится тоже неуправляемым и над ним надо строить другой суперрегулятор, с теми же проблемами. Для решения проблемы «недостаточного разнообразия» регулятора надо снизить разнообразие системы. Я думаю, что это вполне реальная политика, вполне реальный выбор, который мы будем реализовывать после кризиса, потренировавшись сейчас на антикризисных мерах и учтя эти уроки. Спасибо.

Сергей Алексашенко: На ваш взгляд, как сторонника правительства, в чем главная проблема? Что такое кризис для правительства? В чем кризис состоит? Второе: в чем главный успех правительства на этом промежутке времени, с сентября до сегодняшнего времени?

Борис Кузнецов: В чем большая проблема, с которой столкнулось правительство? Правительство столкнулось с тем, что за последние восемь лет периода роста в стране менялись разнонаправленно некоторые вещи. С одной стороны, вырабатывались и

ужесточались некоторые правила. Ну, например, правила госзакупок. По конкурсу и т.д. Правила антимонопольные. А на самом деле создавались определенные формальные рыночные институты. С другой стороны, сама система управления, формирование вертикали власти шли в совершенно другом направлении – в сторону «теневых», непрозрачных решений. Власть попыталась работать с кризисом путем именно таких непрозрачных решений. Приняли решение выделить тремстам предприятиям госпомощь. И никому не рассказываем, каким, почему, зачем. И тут упираемся в то, что, оказывается, мы сами написали себе законы, которые нам запрещают это делать, и надо менять законы. Скажем, решили упростить выдачу госзаказа, тем самым отменив старые правила, но не сформулировав новые. В результате система госзаказов встала вообще. Если контракты заключались в марте, то теперь они не заключены до мая. Нежелание играть по тем правилам, которые вы сами себе написали, и отсутствие политической воли просто отменить все законы и перейти официально на ручное управление и породили основные проблемы в деятельности правительства.

Основной успех правительства состоит в том, что никаких масштабных потерь для экономики от принятых мер не было. За исключением ряда быстро реализованных мер на первой стадии, таких как, например, помощь заграничным банкам... Это было реализовано быстро и в больших масштабах. Я имею в виду ситуацию, когда у западных банков по совершенно несусветной для осени цене были фактически выкуплены государством активы, находившиеся у банков в залоге. Где бы, какой Дойчебанк реализовал бы эти акции по сопоставимой цене? Нигде и никак! А так ему деньги полностью вернули. В этом, я считаю, большой успех правительства.

Сергей Алексахенко: Борис Викторович – анархист, он называет себя сторонником правительства, но считает, что если правительства не будет и ничего не будет происходить, то это самое хорошее, что может случиться. Если всерьез говорить, то я абсолютно согласен с тем главным выводом, который он сделал.

Он изложен на первой страничке его презентации, где содержатся пять тезисов. Это его последний тезис: либо власть адаптирует экономику под себя, либо власть адаптируется под экономику, которая будет развиваться по своим законам. Здесь мне нечего ни добавить, ни убавить. Но то, как мы идем к этому выводу, мне кажется, и будет нашим разногласием с Борисом Викторовичем. Он считает, что правительство ничего не делает и тем не наносит вреда, а я считаю, наоборот, что правительство совершает вполне определенные действия и тем наносит вред.

Именно в этом состоит принципиальная разница. Конечно, можно анализировать эту программу, можно всерьез относиться ко всем словам, которые там написаны, а можно отложить её в сторону и посмотреть, что правительство делает, и на этой основе попытаться сделать свое суждение о реальной политике нашего правительства. В принципе, анализируя политику (любую политику), можно слушать человека, который занимает какую-то должность, и анализировать его намерения, его слова. Это оправданный метод, если вы верите в то, что он это реализует, если у него есть track record, своя история успеха. Но если вы с человеком сталкиваетесь в первый раз, и он, например, вновь избранный Президент Соединенных Штатов или Франции, вы начинаете смотреть, насколько он будет

реализовывать те заявления, которые сделал, и потом будете их выстраивать в цепочку и смотреть: ага, он делает это, это, это. Продолжаем тренд, и вот он нас куда ведет. С нашим правительством примерно то же самое: главное не слова, а дела.

Я пойду по тем четырем вопросам, которые у нас были обозначены для дискуссии. Первый вопрос «насколько адекватны меры»: мне кажется, что они вообще неадекватны. Осенью, о чем говорил Борис Викторович, была просто паника. Откровенно говоря, наблюдая поведение этих людей, наблюдая их заявления, действия, общаясь с ними, я понимал, что они находятся в состоянии паники, потому что у них в голове было абсолютно очевидное раздвоение сознания.

С одной стороны, они понимали, что ситуация резко ухудшается, с другой стороны, они убеждали себя, друг друга и общество в том, что ситуация неизбежно будет развиваться в лучшую сторону. И такая сбойка двух абсолютно противоречивых тенденций приводила к тому, что они принимали решения по принципу «есть проблема – надо немедленно решить». Главное решение на все случаи жизни – немедленно дать денег. Потому что предыдущие 5–6 лет показали, что любую проблему в нашем государстве можно было решить выдачей денег из бюджета. И на практике осенью прошлого года это обернулось раздачей невероятного количества расходных обещаний.

А вместе с тем вплоть до настоящего времени власть так и не провела адекватного анализа положения дел и, похоже, не очень хорошо понимает, где страна находится, где находится наша экономика и куда она движется. А раз этого не сделано, значит, не поставлен диагноз, с какой болезнью правительство борется. Если вы внимательно прочтаете программу антикризисных мер, то не найдете ответа на вопрос: с чем борется правительство? Я не случайно задал этот вопрос моему оппоненту: а в чем, собственно говоря, состоит кризис? Что мы лечим и чего мы хотим добиться? На эти вопросы правительственная программа не дает ответа. Каковы будут долгосрочные последствия принимаемых мер? Правительство заявляет, что оно хочет создать в России по-настоящему конкурентоспособную экономику, увеличить производительность труда, повысить долю новаций, на 40 % снизить энергоемкость экономики. Готов ему поверить. Но вы что-нибудь про это видели в антикризисной программе?

Можно по-разному относиться к действиям американских властей, можно по-разному оценивать их эффективность. Но тем не менее план Обамы четко говорит: у нас есть долгосрочные цели – снижение энергозатрат, компьютеризация, снижение издержек на государство. И правительство США попытается соединить антикризисные меры и стратегические направления движения, и ваши (налогоплательщиков) деньги будут направлены в том числе и на эти направления. У нас в программе нет ничего подобного. Те долгосрочные цели, которые заявляет правительство, ни в программе, ни в его действиях никак не отражаются. Стратегические цели сами по себе, антикризисная программа сама по себе.

Очевидно, что сегодня действия правительства не касаются модернизации, восстановления работоспособности тех институтов, от которых зависит развитие экономики, которые рано или поздно придется приводить в порядок. Ни демонополизация не ведется, ни

суды не работают. С коррупцией еще «лучше» становится. Более того, зачастую делаются заявления, которые ломают те немногие институты, которые работают. Нет для экономики более страшного заявления, чем заявление нашего президента о том, что банк не имеет права требовать возврата кредитов. Это, мол, не социально ответственное поведение, даже если у банка есть законные основания. Вы будете смеяться, но в банки приходят пачками заявления от граждан, которые пишут: мы не будем возвращать кредит, потому что президент сказал, что этого делать не надо.

Возврат долга – это базовый институт экономики, основа доверия между экономическими субъектами. Мы подписываем контракт в надежде, что обе стороны его исполнят. А президент говорит: да нет, вы знаете, вообще это неважно, если есть высший интерес (который непонятно в чем состоит), то этого можно не делать. И это осознанное, не случайное заявление.

Следующая долгосрочная проблема в том, что правительство очень быстро «приучило» экономику к методам «ручного управления», и поэтому все принимаемые меры – меры селективные, практически отсутствуют системные решения. Любая экономика в любой стране мира будет выходить из кризиса за счет того, что бизнес будет двигаться быстрее, будет стремиться заработать больше. У нас создан обратный стимул. Стимул для бизнеса – пробиться в список стратегических предприятий, пробиться на прием к министру, замминистра, губернатору, местному министру и получить ссуду, субсидию, дотацию, одним словом, получить какой-то кусочек государственных денег. Потому что изначально государство сказало: все, кому нужна помощь, приходите ко мне, я вам помогу. И все с радостью выстроились в очередь. Вместо того чтобы что-то делать, в обществе распространяется абсолютно иждивенческое настроение. И это порождает краткосрочные ожидания, что сейчас все будет хорошо, сейчас правительство все решит. Цена на нефть пошла вверх, значит, скоро в стране всё будет замечательно. Мыждемся, и нам тоже дадут денег.

Два примера – я не буду их развивать – это банковский сектор и валютный курс. Вопрос был о долгосрочных последствиях. Понятно, что кризис «плохих долгов» приближается. Практически во всех странах мира, которые сталкивались с рецессией на протяжении последних 30–40 лет, так или иначе проявлялся кризис «плохих долгов». Нам его не избежать. Кризис прост, как А, В, С. Опыт борьбы с подобными явлениями позволяет сформулировать, что, как, в какой последовательности должно делать правительство — здесь нет особых тайн. Принципиальное решение понятно. Тем не менее возникают настроения: «Да нет, слушайте, а может быть, не будет кризиса? Давайте мы сейчас снизим надзорные нормативы, мы вот этого не будем замечать, а мы вот то не будем замечать, мы здесь дадим послабление. А вдруг рассосется, а вдруг мы проскочим?» Практика такого отношения к банковскому кризису показывает, что это приводит только к его затягиванию и что банковский кризис становится гораздо дороже для экономики. Экономика должна больше заплатить за выход из этого кризиса. У нас было до сих пор уникальное положение, наша банковская система относительно недоразвита, ее совокупный капитал меньше 8 % ВВП. Понятно, что даже если весь капитал банковской системы нужно заменить, то были случаи, когда и 20, и 30 % ВВП выделяли на решение проблемы банковской системы. Относительно дешево. А еще есть госбанки, с которыми вообще вопрос просто решить

можно, на их баланс можно все, что угодно, повесить. Есть некое конкурентное преимущество по отношению к другим экономикам, что можно было сделать так, чтобы банковский кризис нам обошелся дешевле, чтобы мы из него вышли проще, легче. Нет! Мы будем ждать, и пока не убедимся, что уже все, платежи останавливаются, банковские кредиты сокращаются (или предприятие все свои деньги отправляет на погашение банковских кредитов) до тех пор мы будем ждать, что будет происходить.

В чем основные недостатки? Упор – на ручные методы управления. Я на эту тему не случайно написал статью в «Ведомостях», мне кажется, что это осознанное действие власти и, таким образом, власть считает, что в экономике можно построить вертикаль. Вот здесь мы с Борисом будем сходить, потому что он тоже считает, что власть будет экономику подстраивать под себя. И она это делает. Есть известный вице-премьер, очень работоспособный, который проводит постоянные совещания, который выдает указания директорам заводов, что, в каком количестве производить, согласовывает между ними цены и т.д. Есть такое хорошее расхожее утверждение: есть либералы, есть силовики. У нас есть либералы, но у них нет либеральных взглядов, у них нет либеральной политики. В то время как силовики, не особо разбираясь в экономике, каждую конкретную ситуацию решают одинаковым образом. В результате целенаправленно создается система, опирающаяся на ручные методы.

Это – задача поставить экономику под свое командование. Набор инструментов хаотичен, это недостаток. К сожалению, нет системных решений для очевидных проблем. Большинство предприятий оборонно-промышленного комплекса имеют огромные долги, накопленные за предыдущие годы. Понятно, что они, кроме оборонного заказа, зачастую ничего не производят. Проблему надо решать, потому что бюджет не в состоянии в принципе начать финансирование с 1 января, может начать это дело в лучшем случае в марте, а то и в апреле. Предприятия должны идти в банки за кредитами, сейчас они закредитованы, то есть кредиты взять не могут, заказы не выполняются, бюджетные деньги не идут, предлагается решение. «Да нет, мы лучше подождем, как-то нам не хочется такое системное решение принимать, убеждать надо, согласовывать, да ну, пусть так». Какие уроки? Еще раз подчеркну, мне кажется, что при анализе действий нашего правительства, нашей власти, не надо слушать, что говорят. Нужно смотреть, что делают. Потому что говорить, слава богу, научились. В зависимости от аудитории, перед которой выступают, могут сказать одно, перед другой аудиторией могут сказать другое. Бывает так, что перед одной и той же аудиторией говорят и то и другое вперемешку, поэтому всерьез заниматься анализом слов бессмысленно, надо смотреть на дела. Второе: очевидно, все то, что происходило на протяжении этих 8 месяцев, с сентября, имело риск ошибок, и риск неэффективного использования ресурсов слишком велик. Центральный банк потерял 40 % валютных резервов, правительство расписало, как оно потратит половину резервного фонда, и все понимают, что никакого эффекта от этого не будет. Никто не ожидает никакого эффекта от того, что правительство потратит половину резервного фонда. Вторую половину потратим в следующем году. А что дальше? А если не хватит на следующий год, а если расходы увеличатся? Я думаю, что российской экономике не удастся успешно выйти из кризиса в рамках существующей политико-экономической модели. Успех или неуспех любой развивающейся страны состоит в том, сможет ли она стать более привлекательной для капитала, сможет ли она привлекать к себе знания, людей, бизнес. К сожалению, российская

власть эту тему вообще не обсуждает. В антикризисной программе нет понятия стимула, нет понятия интереса, нет понятия открытости экономики, нет понятия привлечения капитала, нет понятия международного разделения труда. У нас все будет делаться по своим ручным методам.

И к сожалению, мне кажется, что есть очень большие опасения, что мы находимся в таком состоянии, как на бобслейной трассе. В нее очень легко угодить, но ехать по ней придется до конца. С нее не сойдешь – даже если вы очень сильный и способный. Для того чтобы выйти из этой колеи, в которую мы попали, в которой мы уже находимся, нужно предпринимать серьезные решительные шаги по реформированию экономической и политической (и политической сначала, а потом экономической) системы нашей страны. Если этого не делать, то так и будем спускаться плавно, долго, медленно. Это не означает, что завтра, через год, через два что-то радикальное произойдет, наша экономика исчезнет и все развалится. Нет. У нас есть пример страны под названием Аргентина, которая в XX веке болела очень многими болезнями, которые свойственны России сегодня, начиная от сырьевой зависимости (правда, там была сельскохозяйственная зависимость от экспорта) и кончая коррупцией, с которой страна не боролась на протяжении нескольких десятилетий. В XX век Аргентина вошла в десятке ведущих стран мира, а закончила за пределами сотни. На протяжении практически века уровень экономического развития страны почти не изменился. Вот что такое отставание в современном мире.

Просто сейчас мир будет развиваться гораздо быстрее, и если Россия не захочет сойти с «бобслейной трассы», то наш уровень развития будет все больше и больше отставать от того самого «золотого миллиарда», в который мы очень хотим попасть. Спасибо.

Борис Кузнецов: Несколько раз у вас прозвучало, что там такие люди, у них так отвечают, тут силовики. То есть вы всерьез считаете, что в дело в людях? Что если бы вице-премьерами и прочими чиновниками были другие – хорошие, умные, честные люди, то эта же система работала бы эффективно?

И второй вопрос – какой молодец правительство. Разве вы не считаете, что по крайней мере то, что прозвучало, – банки обидели, надо было помогать раньше, а помогать стали в последний момент, когда уже все было плохо. Но ведь зато как помогли! Банковская система России, процентов тридцать которой должны были бы исчезнуть, потеряла – как говорится, отряд не заметил потери бойца – три-четыре банка. То есть в этом смысле российское правительство, по-моему, доказало эффективность сохранения именно своей недоразвитой банковской системы.

Сергей Алексашенко: В людях дело или в системе? Конечно, в системе. Конечно, в людях. Понимаете, систему создают люди, и люди ее могут поменять. Люди могут осознавать, что систему надо менять, или думать и говорить: «Да нет, система хорошая, и не надо ее менять». Мы можем приписывать людям либеральные взгляды, а они говорят: «Да нет, вы знаете, ничего, нормально, мы и с этими взглядами готовы мириться».

Просто, если считать, что ограничение бюджетного дефицита каким-то образом от ВВП – это есть либеральный взгляд, то это одно, а при этом считать, что ручные методы управления экономикой – это тоже нормально, то я не знаю, что здесь система, а что здесь люди. Я, безусловно, считаю, что нынешняя система, которая существует, создана теми людьми, которые сегодня находятся у власти. И если кто и может поменять эту систему, то конечно же, только люди. Эти люди или другие – не знаю. Возможно, эти тоже смогут поменять.

Вы знаете, в хорошие годы, в тучные годы ни одна страна не реализует реформы в экономике. Когда все хорошо, зачем делать реформы? И так все хорошо.

Для того чтобы начать реформы, люди, которые поддерживают систему, должны осознать, что так жить нельзя. Если осознание того, что так жить нельзя, придет к этим людям, значит, они поменяют систему. И может быть, во главе этого процесса встанет человек, имя которого мы сейчас предаем анафеме. А может быть, кто-то другой, который там где-то ходит, а мы на него не обращаем никакого внимания. А может быть, если эти люди не осознают проблему, если они не осознают, что страна в кризисе, – ну, значит, сама страна это может осознать и поменять этих людей. Или сложится альянс, такой странный, как в Аргентине. Я не случайно сказал, что не надо делать реформы неизбежными. Можно избежать реформ. Можно избежать реформ, если общество согласится на деградацию, если общество согласится с тем, что совсем не обязательно повышать уровень жизни. Или можно так, знаете, медленно, номинально попросить Госкомстат, чтобы он досчитывал, что мы живем все лучше, лучше и лучше. Поэтому, безусловно, нужно менять систему, но сделать это могут только люди.

Про второе, про банки и государство. Конечно, государство помогло. Да, конечно. Сегодня напечатали, кому оно помогло. Банку «КИТ Финанс» – 135 миллиардов рублей. Вы представляете? А если бы этих банков было десять? Вы представляете, триллион 350 нужно просто вкачать. Мы разорились бы. Они ж понимают, что нельзя так всех. 30 % банков обанкротить. 30 % – это 300 банков. Вы представляете, 300 банков, и каждому по 100 миллиардов рублей нужно выдать? Ну, так не бывает. У них столько денег нет, и они это понимают. Так что здесь они сработали совершенно правильно

Вопросы аудитории

Вопрос: Вопрос к обоим докладчикам по поводу долгосрочных последствий кризиса. Что будет, когда деньги кончатся?

Сергей Алексашенко: Что делать, когда деньги кончатся? Деньги не кончатся. Центральный банк начнет печатать новые и будет кредитовать правительство.

Собственно говоря, это не секрет, и к этому интуитивно уже все готовы. Не случайно, если вы посмотрите внимательно, постоянно идут разговоры об инфраструктурных облигациях или еще о каких-то облигациях, которые перефинансирует Центральный банк. Это не является догмой, и это будет использовано, если в 2010 или в 2011 году бюджет будет

сходиться с дефицитом и резервного фонда не хватит. На это Центральный банк в той или иной форме будет печатать деньги.

Вопрос, на который, на самом деле, на сегодня нет ответа – это удастся ли... То есть, грубо говоря, либо Кудрин будет стоять насмерть и отстоит пятипроцентный дефицит, что приведет к сокращению расходов бюджета по многим статьям, либо ему скажут: «Нет. Расходы бюджета мы сокращать не будем, а давай мы лучше сократим твои 5 %, а сделаем 7,5 или 8». И это будет сигналом, насколько быстро мы пойдём в сторону Центрального банка.

В любом случае, так, навскидку, даже при пятипроцентном дефиците на следующий год, резервный фонд в следующем году закончится. Соответственно в 2011 году все равно придется использовать кредит Центрального банка.

Борис Кузнецов: Полностью согласен с ответом на вопрос, что будет, когда деньги кончатся, что они не кончатся. Это как в «Свадьбе в Малиновке»: «Я себе еще нарисую».

Вопрос: Что, собственно говоря, происходит с экономикой и что там с кризисом? Эта часть осталась совершенно неосвещенной. Давайте мы абстрагируемся от того, что происходит в головах в правительстве, и давайте попробуем ответить на те вопросы, которые, наверное, волнуют каждого из нас. Что такое кризис и какие он будет иметь долгосрочные последствия, если немножечко абстрагироваться от того, что делает правительство?

Борис Кузнецов: Честный ответ на этот вопрос состоит в том, что никто достоверно не знает, что происходит с экономикой. А вы и не можете этого знать. Ни у кого нет достоверной информации.

Но можно догадываться, что с ней происходит. Можно смотреть на некоторые цифры и на некоторые данные, которые есть. Сегодня, буквально перед тем, как приехать сюда, я прослушал очень интересный доклад Владимира Аркадьевича Бессонова аккуратно о том, что происходит по отраслям, причем достаточно подробно: что в пищевой, что в лесной...

И все его данные – а он человек строгий, математический, он просто их анализирует – показывают очень простую вещь: произошла структурная, я бы сказал, «встряска» экономики. Резко упала часть секторов – это экспортеры-сырьевики, автомобили и ряд других. Во всех остальных ничего не произошло. Никакого особого спада нет. В пищевой промышленности нет, да даже в обрабатывающей, за исключением машиностроения, инвестиционного автомобилестроения особого спада нет.

Больше того, там, где этот спад произошел, он уже четко рисует везде так называемую L-образную конструкцию. Спад произошел, и уже последние два месяца, по апрель включительно, дальше ничего уже больше не падает. То есть Бессонов делает осторожный вывод: «А что, может быть, мы уже все? Мы уже острую фазу кризиса прошли, и дальше ничего не будет».

Я бы не был столь оптимистичен по очень простой причине: на тех же его графиках показано, например, что оборот розничной торговли изменился незначительно, но ровно так же изменились и доходы. Они тоже сократились, но тоже пока незначительно. Но подождите еще. До доходов, может быть, еще волна этого спада не докатилась? Потому что, по нашим данным, 40 % предприятий собираются сокращать занятость; примерно столько же собираются переводить на неполный рабочий день – просто, может, пока не дают «разгуляться»?

Вопрос: Скажите, пожалуйста, в вашем представлении то, что мы имеем сегодня, – это кризис или это обычная волатильность с повторяющейся цикличностью? Потому что из кризиса всегда выход только радикальный, со сменой кейнсианской модели на модель госсекретаризма или, наоборот, гуманитарную систему. Поскольку никакого радикального решения в гуманитарной системе не предвидится, в технологиях – тоже, то, может быть, это и не кризис?

Сергей Алексахенко: У нас кризис. У нас кризис, и мне кажется, что Борис об этом очень хорошо сказал. Кризис состоит в том, что у нас сломалась прежняя модель развития. Та модель, которая существовала с 1999 года по середину 2008-го, которая опиралась сначала на девальвационный эффект, потом – на растущие цены на нефть, потом к этому добавился и приток капитала, которые компенсировали все проблемы: отсутствие долгосрочных сбережений, отсутствие мотивации... Просто деньги лились потоком. Этого всего нет и уже не будет.

Понимаете, приток капитала в нашу страну восстановится лет через пять, после того, как мы расплатимся по долгам. А пока реальный сектор не платит по долгам, и этот процесс еще далек от завершения. Поэтому модель ломается. Та модель развития, благодаря которой мы жили долгие годы, сломалась. Сейчас из-за того, что произошел внешний спрос, у нас экономика должна найти какое-то новое равновесие, сбалансироваться.

Потом – не знаю. Появится внешний спрос – она будет расти чуть быстрее, будут сектора восстанавливаться; не появится внешний спрос – будет расти чуть медленнее, но она точно не будет расти так, как она росла в предыдущие десять лет. И в этом кризис – модель сломалась. Именно поэтому у нас должна появиться новая модель.

Борис Кузнецов: Скорость падения промышленного производства в период последних осени – весны быстрее и круче, чем в 1993 году, побившем все рекорды по скорости падения промышленного производства. Поэтому волатильностью я бы это не назвал.

Вопрос: Кто виноват, мы уже поняли, а теперь хотелось бы узнать, что делать, но только не в академическом плане, не в плане того, как это делается или делалось на протяжении последних ста лет в нормальных странах, а с учетом нашей специфики. Я так поняла, что основная проблема – это отсутствие политической конкуренции. И, по идее, ее решение, если бы политическая конкуренция у нас появилась и не было бы этого единого

центра принятия решений с известным человеком, или двумя, или тремя, но в условиях сегодняшней России появление политической конкуренции не приведет ли к большим проблемам для России, нежели то, как мы живем сейчас? То есть что делать в плане сегодняшнего дня? Не как было бы прекрасно при идеальных условиях, а при наших ограничениях? И что наиболее оптимально, с чего бы начать, какой узелок развязать?

Сергей Алексашенко: Я бы начал с того, что переизбрал бы Государственную думу по одномандатным округам, просто принципиально отказался бы от партийных списков и ввел бы выборность губернаторов. А также приватизировал бы, денационализировал каналы телевидения. Вот и все. Тогда эта система будет развиваться. Ну, и ввел бы независимого прокурора по борьбе с коррупцией. Все остальное экономика сделает сама, этого будет достаточно.

Вопрос: Наступит ли в России во второй половине года кризис «плохих» долгов? Какова будет, по вашему мнению, доля «плохих» кредитов в общем объеме кредитов? Как, собственно, будет проявляться кризис «плохих» долгов в России? И второе – какие меры правительства в этой связи будут приняты?

Сергей Алексашенко: Наступит ли кризис «плохих» долгов? Да он уже в пути, мы движемся туда. Уровень «плохой» задолженности сегодня составляет 10 % по международным стандартам, что по всем критериям является уже индикатором начала кризиса «плохих» долгов. В чем он проявляется? Он проявляется в том, что уже сейчас банки не кредитуют экономику. Объем банковских кредитов потихонечку, но сокращается. По моим оценкам, он за три месяца сократился на 3 %. Есть другие оценки, что за один месяц – на 2 %. В любом случае, в годовом измерении от 12 до 20 % – сокращение кредитов. Если так дело пойдет и дальше, представьте себе, что будет. У нас точно появится вторая волна кризиса. Более тяжелое проявление банковского кризиса – это остановка системы платежей.

Борис Кузнецов: Кризис «плохих» долгов? Этого, я не знаю. Я знаю, что у нас так любят нашу недоразвитую банковскую систему, что рухнуть ей все равно не дадут. «Плохие» долги компенсируют. Ничего страшного не будет, на мой взгляд, хотя, я еще раз говорю, я не специалист.

Вопрос: Какие конкурентоспособные сферы экономики у России? Есть ли они вообще? Где, на ваш взгляд, потенциальный базис для развития?

Сергей Алексашенко: Есть ли базис для развития? Конкурентоспособные отрасли? Большой вопрос! Не вижу конкурентоспособных отраслей. Именно поэтому считаю, что единственным базисом для развития является свобода предпринимательства, свобода и частная инициатива, отказ от ручных методов, максимальная либерализация экономики, максимальный выход государства из экономики. Только в случае, если будет дана свобода предпринимательству, у экономики появится базис для развития. Если этого не будет – не понимаю, в чем базис. Не могут таким базисом стать нанотехнологии. Мы сейчас все будем называть «нано». Потому что нужно как-то исполнить план по инвестициям – мы же знаем, что есть 30 миллиардов рублей в год, которые нужно продекларировать как инвестиции в нанотехнологии. В итоге мы инвестируем эти миллиарды во все с приставкой «нано», только

отдачи от них не будет. Поэтому базис для развития – это предпринимательство, и ничто другое.

Борис Кузнецов: Я гораздо более оптимистичен, чем мой оппонент. У России нет отраслей, за исключением традиционных сырьевых, в которых у нее была бы абсолютная конкурентоспособность.

Но, уверяю вас, почти в каждой отрасли российской экономики есть вполне успешные предприятия. Текстильная промышленность, например. Я могу также назвать сельское хозяйство, которое все похоронили еще при советской власти, еще во времена продовольственной программы. Оно вдруг ожило, как кактус, который три года не поливали, а потом вдруг случайно капнули – и зазеленело. Вот уже десять лет наблюдается небольшой, но стабильный – 1,5 % в год – рост, перспективы замечательные. Цены на нефть могут упасть, если вдруг изобретут что-нибудь, а цены на еду не упадут, уверяю вас, потому что пахотной земли больше не становится. Какие еще отрасли? Скажем, в отрасли информационно-коммуникационных технологий есть сегмент, который называется «производство программного обеспечения», причем сложного программного обеспечения. Выясняется, что и здесь у нас в наличии конкурентные преимущества.

Вопрос: Первый вопрос – на ваш взгляд, как изменится структура российской экономики в долгосрочной перспективе? Конкретней можно взять – к 2020 году. И второй вопрос – соответственно как вы видите уровень жизни населения в России в долгосрочной перспективе? После кризиса.

Сергей Алексахенко: Как изменится структура экономики в 2020 году? Если ничего не делать, то у нас удельный вес сырьевых экспортеров возрастет, в то время как значение остальных отраслей будет постепенно уменьшаться.

На этот счет очень хорошо сказала Юлия Латынина в субботу на «Эхо Москвы». Она приводила пример кочевников Чингисхана, завоевавших Афганистан, который был тогда цветущим государством с приливным земледелием. Кочевникам города не нужны, кочевникам библиотеки не нужны, поэтому они их разрушили. Сырьевому экспорту нанотехнологии не нужны, поэтому их не будет. В секторе сырьевого экспорта не нужно модернизации, информатизации. Это все – лишняя трата ресурсов, это увеличение налогового бремени на экспортеров сырья. Не надо этого делать. Нужно облегчить налоговое бремя на экспортеров сырья. Им же так тяжело. Девальвация прошла, и им еще тяжелее стало.

Вопрос: Я не услышал, кроме последнего ответа Сергея Алексахенко, в чем же может быть надежда в смысле какого-то улучшения, выхода из кризиса. Допустим, дело в системе или в смене людей – что надо бы сделать, чего не делает правительство? Если наши докладчики это знают, то просьба сказать, хотя бы в двух словах.

Борис Кузнецов: Что надо сделать? Надо остановиться. Сесть и подумать. Надо посмотреть, что случилось с вашими мерами, которые вы уже напринимали. Сейчас никто не занимается мониторингом результатов. Вы знаете, даже те меры, которые дошли до стадии

реализации, не дают информации о результатах. Поэтому не спешите. Кризис не кончится, не бойтесь. Он надолго. Поэтому можно подумать, можно посмотреть, понять, почему не работает, и тогда, возможно, начнет работать лучше. Спасибо.

Вопрос: То есть вы тоже еще не знаете, что делать?

Борис Кузнецов: Я? А я вообще не знаю! Я все время люблю цитировать Галича: «Не бойтесь чумы, не бойтесь сумы, не бойтесь мора и глада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо».

Обсуждение

Валерий Русин, Институт бизнеса и делового администрирования: Насколько адекватны антикризисные меры правительства реальным проблемам? Если зачеркнуть слова «российской экономики», то вполне адекватная программа. Адекватная тем проблемам, которые существуют у правительства. Какие у нашего правительства проблемы? Сохранить уровень доходов чиновников и сохранить стабильность существующей системы. И здесь поставлен вопрос, в чем успех правительства? Успех по первому из направлений полный. Как докладывал нам Устинов, коррупционные потоки за год удвоились. Поэтому проблемы правительства решаются успешно. В чем недостатки антикризисной программы правительства и есть ли достоинства? Недостатки вполне очевидны и уже были названы: отсутствие цели, отсутствие стратегии. Особенно в сравнении с программой Обамы, в которой есть четкая стратегия – сегодня затянуть пояса, с тем чтобы сделать рывок в экономику знаний завтра. Все на это направлено. Здесь этого нет. Бессистемность, неадекватность, внутренняя противоречивость. Честно говоря, она, в общем-то, и не заслуживает подробного анализа. Но одну положительную вещь я успел обнаружить. Это фрагмент антикризисных мер по регулированию цен на лекарственные препараты. Очевидно, написано грамотными людьми, выстроена программа, и если не будет испорчена на ходу в связи с такой неразберихой, то вполне окажется на своем месте.

Каковы долгосрочные последствия? К сожалению, большинство коллег, которые пишут или говорят на эти темы, вольно или невольно остаются в рамках собственных представлений о том, что системы сохраняются. Понятно, что это делает Обама – ему выгодно, чтобы мир и порядок сохранились. Понятно, что это делает российское правительство, но оно вообще все ориентирует на то, чтобы ничего не менять и сохранить статус-кво. И на самом деле, институциональные преобразования, реформация, модернизация общества и институциональная трансформация могут – во всяком случае, теми, кто занимается антикризисными мерами, – рассматриваться обязательно как вариант развития. И тогда все те последствия, и долгосрочные, и краткосрочные, которые мы формулируем при предпосылках первого рода (неизменности системы), конечно, будут опрокинуты, и все будет совершенно иначе. Несколько слов о последствиях. Для мира это, конечно, рано или поздно изменение институциональной системы, и уже подготовка идет, уже зондируется почва для создания новых институтов финансового регулирования, новой резервно-валютной системы и т.д. Для России, конечно же, все то же самое. Следование

существующей антикризисной программе лишь отложит это преобразование, либо оно произойдет быстрее и, следовательно, дешевле. Спасибо.

Голубев: Я лишь хотел бы сделать несколько замечаний по тому, что высказали наши диспутанты. Сергей Владимирович очень правильно говорил о том, что всякие реформы делаются тогда, когда вынуждают, а власти вынуждает ситуация. Это не только у нас, это во всем мире, и всегда это было. И мы так думали, и мы так все писали и раньше, что подождем, будет кризис – тогда начнутся какие-то необходимые реформы, институциональные и прочие. Пока ничего этого нет, и это как раз интересно понять. Значит, кризис не начался еще, с точки зрения властей? Так надо понимать?

И что тогда будет дальше? И сколько мы должны ждать и где будет тот сигнал, который может побудить? И как это зависит от общества? Потому что в разных обществах есть разная степень терпения и есть разные реакции на ситуацию. У нас особая страна; мы знаем, что она у нас очень терпеливая и хорошая, как говорится, с точки зрения начальства. Поэтому, значит, мы должны ждать, что будет дальше.

И поэтому это время сейчас очень подходящее с точки зрения властей, чтобы заняться тем делом, которое очень удобно делать в период кризиса, даже если они его не признают, – это начать распиливать те резервы, о которых поначалу сказали, что они нужны, – для чего нужен Стабилизационный фонд? Для того, чтобы когда благоприятная конъюнктура кончится – в смысле, цены будут низкие, – поддержать социальную стабильность, раздать людям, так думалось. Реально, мы видим, он совсем по-другому расходуется. Он расходуется избирательно тем людям, тем близким властям людям, которые и должны это получить.

Но дальше тут возникает вопрос, что нужно построить вертикаль ручного управления. Это заблуждение, если кто-то думает, что это действительно можно сделать. Те, кто когда-то изучал советскую систему, знают, как она строилась, какие там органы, какое там распределение ресурсов. Значит, это сделать заведомо нельзя, и если кто-то думает, что это можно построить, то ошибается. Казалось бы, надо всем сейчас как-то убедить тех, кто надеется построить такую систему, что это абсолютно нереально в теперешних условиях. И я еще хотел сказать, что тут была мысль высказана Кузнецовым о том, что наша беда и кризис из-за того, что жили не по средствам. Это, я считаю, совершенно неверно, неправильно. Во-первых, непонятно, кто жил не по средствам.

Борис Кузнецов: Я не вас имел в виду!

Голубев: Нет, я к тому, что есть очень распространенная точка зрения, что «давайте мы сейчас затянем пояса и вложимся в экономику знаний», как здесь было сказано. Все это не соответствует никакой действительности. А выход, конечно, примерно был указан, и то, что говорил Алексашенко, можно только поддержать, – о политических изменениях, которые должны привести к изменениям в политике государства. Ну, а от кого это зависит и как это сделать, сказано не было, и это вопрос, который, мне кажется, как раз заслуживает внимания.

Михаил Субботин, ИМЭМО РАН: Я зацепился за две реплики: одна – Кузнецова, другая – Алексашенко. Сначала прозвучало, что правительство поддерживает крупные

компании, и вот они так приходят в правительство и рассказывают про свои беды. Я хочу сказать, что мне кажется, им не надо приходить – они все там. Система управления страной создана таким образом, что конфликт интересов является краеугольным камнем системы управления в стране, и в этой связи вся борьба с коррупцией очень забавна.

А второе – то, что прозвучало у Алексащенко, что сырьевая экономика, которой никакие инновации не нужны. За последнее время – я обращаю еще ваше внимание, что у выступавших ни разу не прозвучало выражения «инвестиционный климат», как будто нет этого понятия. Компании ведут себя так, какие правила игры созданы. Поэтому, если будут созданы другие правила – сырьевая экономика станет фундаментом инновационной экономики. Я готов рассказать и доказать, почему это так происходит. Где-то вначале реформ данные компании все время говорили: «Ну, мы понимаем, что не все сразу, мы тут посмотрим. В принципе, если нам все подойдет, тогда мы придем». А в последнее время, они стали говорить куда более дерзко. На прошлогоднем петербургском форуме выступает глава ВР и говорит, что нужно гибкое состояние системы, нужно уважение прав собственности, нужна система правосудия. Кто у нас сейчас говорит об антикризисной программе по второму и третьему пункту, про защиту прав собственности и про нашу систему правосудия? Что-то такое меняют с налогами, с курсами, с кредитами. А выступает после этого руководитель иностранной компании: «Мы не верим вашей системе правосудия». Глава Shell дает интервью «Российской газете», правительственной, и говорит: «Вообще у меня такое ощущение, что проблемы возникают именно с сырьевой экономикой. Если бы заниматься производством мороженого, то тогда welcome в Россию».

То есть я хочу сказать, что когда у тебя все время перед глазами то «ЮКОС», то «Мечел», то не до того, чтобы вкладываться в какие-то инновационные вещи. И наоборот, вся эта система может быть реформирована исключительно тогда, когда будет реформирована система политическая, потому что когда мы говорим о защите прав собственности – то что для этого нужно? И так доходим до самого верха. Спасибо.

Владимир Назаров, ИЭПП: Я хотел затронуть три вопроса. Во-первых, кризис у нас или не кризис. Мне кажется, что, безусловно, кризис, потому что кризис – это не резкий спад, а невозможность в ходе текущей деятельности достигать долгосрочных приоритетов. И наоборот, стремление достичь долгосрочных приоритетов приводит вас к тому, что вы понимаете, что вся ваша нынешняя система не позволяет вам их достичь. Таким образом, мы действительно пришли к системному противоречию, и это фактически и есть наш кризис.

Какие отрасли могут быть конкурентоспособными в России? В принципе любые. Допустим, возьмем ту же Новую Зеландию. Там двигатель всей экономики – это то самое сельское хозяйство, которое в рамках советской экономики считалось крайне неконкурентоспособным. Но вокруг этого сельского хозяйства создается современная рыночная инфраструктура, включая соответственно и финансовый сектор, в том числе и страхование, банковский сектор, другой сектор услуг. И соответственно это сельское хозяйство уже выглядит совершенно по-другому, это уже инновационная экономика примера XXI века. Соответственно любая отрасль в России может стать точкой роста, учитывая,

какие у нас есть людские и природные ресурсы, но ни одна из них не станет таковой, если мы не будем проводить, конечно, институциональной реформы, потому что до тех пор, пока сельскому хозяйству будут выдаваться субсидии, оно не будет конкурентоспособным.

И в-третьих, в принципе я считаю – а я являюсь историческим оптимистом, – что с исторической точки зрения ничего страшного с Россией не происходит. Потому что мы из СССР вышли не так давно, всего лишь 20 лет назад. Как вы помните, Моисей евреев водил по пустыне 40 лет. Так что в принципе с исторической точки зрения те советские институты еще не погибли, то есть некоторые институты погибли – допустим, возник институт частной собственности, какие-то другие институты возникли, а многие институты остались. Осталось советское правосудие, пресса осталась во многом очень похожей на советский период, военкоматы мы унаследовали из советского прошлого. И все эти институты еще не умерли. Соответственно необходимо, наверное, еще поколение, чтобы эти институты постепенно ушли в историю. И единственное, что плохо с точки зрения институциональной модернизации, что у нас нет ценностей, которые смогли бы сплотить все общество. Наверное, было бы рациональнее две такие ценности: это частная собственность и, я полагаю, это церковь. У нас соответственно и к частной собственности существенно подорвано доверие, подорвано и потому, что приватизация была проведена так, как она была проведена, и что власть позволяла себе неоднократно говорить о том, что приватизация была проведена плохо, и что если нынешние собственники как-то не так себя поведут, то можно пересматривать эти итоги приватизации. Поэтому доверие к частной собственности и уважение к ней в обществе в принципе находятся на низком уровне. Также и церковь не смогла занять должного места в обществе; не может она объединить общество. И таким образом нам тяжело найти тот общественный консенсус, благодаря которому мы могли бы реформировать страну.

Наталья Зубаревич, МГУ: Я буду говорить о том, насколько региональный анализ совпадает с тем, что сейчас померили. Совпадения просто фантастические.

Первое. У нас произошел четко спад сильных, относительно сильных регионов, и он действительно L-образный – они лежат, и в лидерах у нас сейчас осталась страна в своем экстриме: федеральные агломерации, нефтяная и газовая отрасли, где доходы просели, но объем производства практически не падает. Вот что живое в Российской Федерации. Все остальное... Среднеразвитые. Извините, так получилось. Это статистика, я не виновата. Получается, что мы с вами потеряли тот реальный ресурс – здесь я согласна с Андреем Яковлевым – территорий, которые были способны к инновациям. Они не были жиром поросшие, как некоторые наверху, и не были лежачие намертво, как вторая группа этих лидеров. И это означает, что ландшафт упростился. Упрощение пространства существенно облегчает адаптацию экономики под тип власти. Нет тех, кто был готов к инновациям лучше, хотя бы к управленческим. Это первый момент.

Второе. Денег не хватает, уже не хватает регионам. И именно этим, более сильным, налог на прибыль слетел на треть, а в этих регионах – в разы. И это означает, что они, ранее более сильные, уже не способны выполнять прямые социальные обязательства в некоторых

аспектах. Федеральная власть ждет или дает слегка под ковром; института поддержки не было и нет. Это означает, что именно в этих регионах, лучше готовых к инновациям, нарастают социальные риски.

Третье. Опрос, который привел Борис, четко подтверждается. Только что я просчитала соотношение безработных по МОТу, и этот родной мотив «неполнозанятых», то есть людей, которые реально теряют зарплату, в худших упавших регионах – я подчеркиваю, это относительно развитые регионы – этот баланс уже пятьдесят на пятьдесят, а в остальных, которые не упали, – по минимуму. И это означает, что в относительно развитых регионах мы людей возвращаем в 1990-е годы, в режим, когда надо адаптироваться через массовое сокращение зарплаты.

Три вводные, которые я привела, разнородны, но, по-моему – я, конечно, могу ошибаться, – они все работают на одну корзину. Уже сейчас на территориальном уровне сложились условия устойчивого движения в сторону Аргентины.

Борис Кузнецов: Правительство у нас хорошее. Ошибаются те, кто считает, что правительство хочет огосударствить всю экономику, – не хочет. Правительство хочет, чтобы было, как раньше – в 2004-м, в 2005-м. И пока трагедия состоит в том, что в целом, как группа, что ли, как система, они еще не поняли, что как раньше уже не будет. И в этом вся проблема, и антикризисных мер в том числе. А когда поймут, то, наверное, что-то сделают. Что сделают – об этом я говорил.

И последнее. В чем я вижу проблему. Россия – очень хорошая страна в этом смысле, в ее истории все можно найти. Мы не в первый раз в той дуалистической ситуации, когда система власти не корреспондирует с системой экономики. У нас был НЭП: власть была одна, а экономика была другая. И проблема состояла в том, что так не могло происходить долго, и нужен был выход. В таком положении – может, не в таком радикальном – мы сейчас находимся на этой же развилке. Спасибо.

Сергей Алексащенко: Честно говоря, мне очень бы не хотелось, чтобы повторение было, как в НЭПе, я готов согласиться. Аналогия-то, конечно, хорошая, даже правильная, но печальная.

Говорите, нет проблем у экономики? Да есть проблемы у экономики. Здесь говорили про инвестиционный климат – я не сказал, что на эту тему я говорил, что мы не привлекаем капитал, что у нас закрытая экономика. Нет, у нас невыгодно инвестировать, у нас невыгодно развивать бизнес. У нас выгодно завести дельце и ходить кланчить у государства деньги. Получить госзаказ и за 50 % отката его не исполнить. У нас много есть чего выгодного, что не связано с бизнесом. Поэтому есть проблема у экономики – она не хочет развиваться, она хочет кормиться от бюджета.

Действительно, власть не осознает, что кризис есть. У власти было состояние паники осенью, когда она действительно не понимала, что происходит. А сейчас все успокоилось. Сейчас все замечательно. Бюджет этого года – фантастический шоколад. Он на 30 % больше, чем бюджет прошлого года в номинале. С поправкой на любую инфляцию денег в

распоряжении правительства больше, и оно такие резервы создало: и это резерв, и это резерв – вообще, делай что хочешь.

У правительства сейчас нет кризиса, потому что пока все хорошо. Кризис дальше начинается, на днях, идет, когда правительство пытается устроить бюджет 2010 года. Тогда они понимают, что уже что-то не сходится. А пока нет никакого осознания кризиса, и соответственно нет ни малейших потуг к реформам. Насчет того, что каждому, кто разбирается в экономике, хорошо известно, что нельзя построить вертикаль управления экономикой. Но они-то не разбираются в экономике! Они этого не знают.

Знаете, была фраза очень хорошая, по-моему, на конференции в «Вышке» месяц назад кто-то сказал: «Почему Россия все время ищет третий путь? Потому что она не знает про существование первых двух».

То же самое и здесь. Нельзя построить вертикаль управления экономикой? Да они не знают этого! Они еще не пробовали. Они считают, что можно, и пока они не убедятся в этом...

А самое печальное – что экономика готова под них подстраиваться. Она приходит и говорит: «Ребята, чего изволите? Только денег дайте, и сделаем все что хотите. Хотите – так, хотите – эдак, хотите – в пакет заложим, хотите – ваших представителей в совет директоров введем. Все что угодно, только давайте договоримся о том, как будем контролировать денежные потоки».

Спасибо.